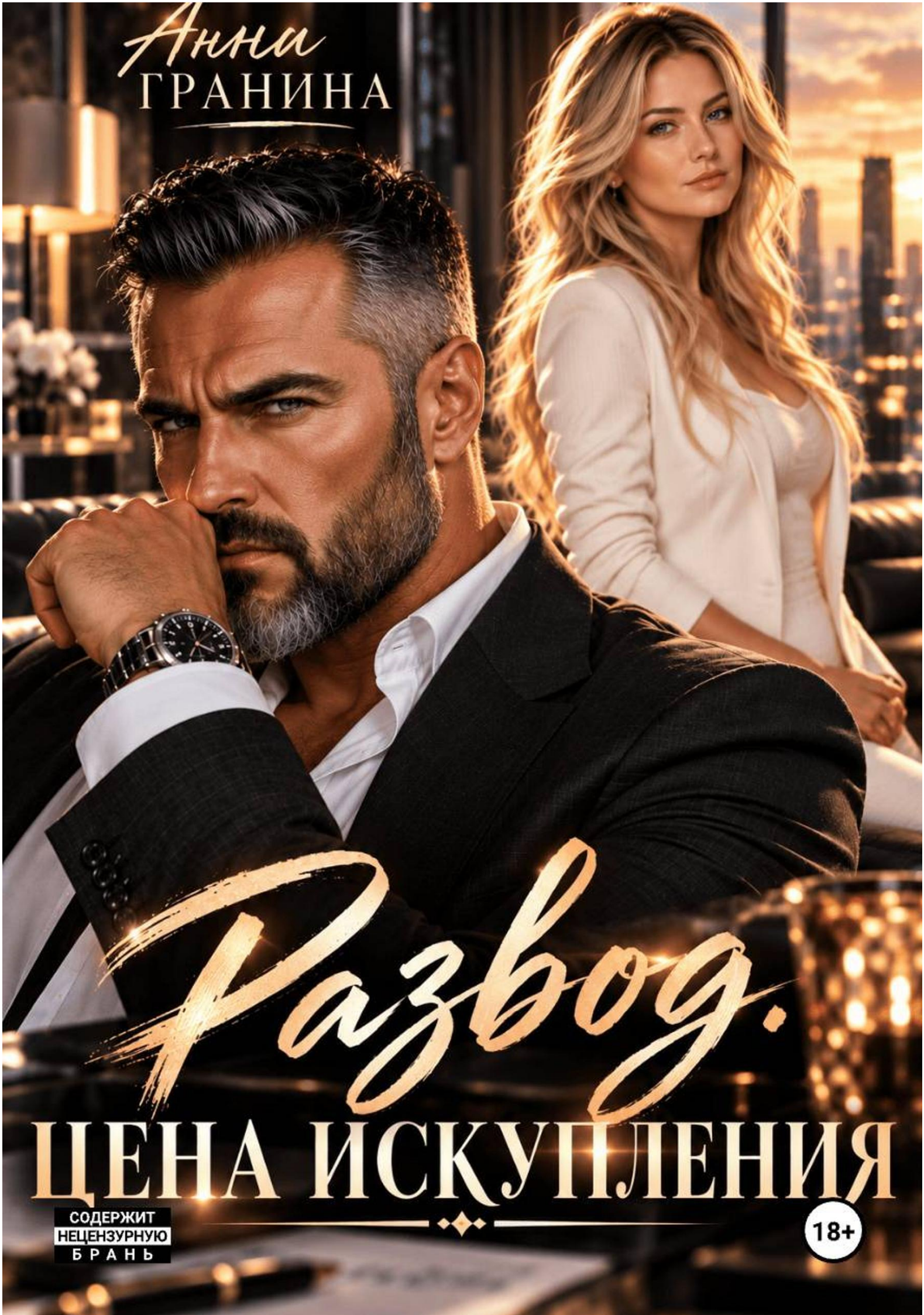
Анна
ГРАНИНА

Развод.
ЦЕНА ИСКУПЛЕНИЯ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Анна Гранина

Развод. Цена искупления

«Автор»
2026

Гранина А.

Развод. Цена искупления / А. Гранина — «Автор», 2026

– Так любишь или нет? – кричу, – Скажи мне уже правду! Молчит. Впрочем, мне и так понятно. — Я подам на развод сама, – встаю и направляюсь на выход из этого проклятого дома, где муж меня предал с той, что является точной копией его первой любви. Или с ней, но это уже не важно. —Никакого развода, Птичка.Я прожила с Максимом двадцать лет. Двадцать лет любви, борьбы, побед и поражений. Я научилась быть сильной ради семьи, отдав всё, чтобы мы были счастливы. Он — человек, который привык побеждать. Всё в его жизни должно быть так, как он решил. Пока в нашем доме не появилась точная копия той, кто когда-то был его первой любовью, женщиной, которую он потерял навсегда.

© Гранина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

АННОТАЦИЯ. 6
Глава 1 7
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 Вика 13
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 20
Глава 8 22
Глава 9 26
Глава 10 30
Глава 11 32
Глава 12 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Анна Гранина
Развод. Цена искупления

Развод. Цена искупления.

«Развод. Цена искупления» — это история о любви, которая болит, о предательстве, которое разъедает, и о надежде, которая всё ещё может спасти. Это история о том, что иногда, чтобы вернуть свою жизнь, нужно пройти через самое разрушительное испытание. Но какую цену придётся заплатить за искупление?

АННОТАЦИЯ.

– Так любишь или нет? – кричу, – Скажи мне уже правду!

Молчит. Впрочем, мне и так понятно.

— Я подам на развод сама, – встаю и направляюсь на выход из этого проклятого дома, где муж меня предал с той, что является точной копией его первой любви. Или с ней, но это уже не важно.

—Никакого развода, Птичка.

Я прожила с Максимом двадцать лет. Двадцать лет любви, борьбы, побед и поражений. Я научилась быть сильной ради семьи, отдав всё, чтобы мы были счастливы. Он — человек, который привык побеждать. Всё в его жизни должно быть так, как он решил. Пока в нашем доме не появилась точная копия той, кто когда-то был его первой любовью, женщиной, которую он потерял навсегда.

Глава 1

Виктория.

Я стою у кухонного стола, нарезаю овощи для салата. В доме тихо, только нож шуршит о доску. Мысли где-то далеко — о заказах, новых тканях для коллекции и о том, что сын Ромка редко звонит. Я даже не слышу, как дверь в прихожей открывается.

И вдруг — сильные, тёплые руки обхватывают меня за талию. Я вздрагиваю так резко, что едва не роняю нож.

— Ах! — вырывается из меня, пока я пытаюсь повернуться. — Макс?!

Я чувствую, как муж смеётся, тихо, низко, прямо у моего уха. Его смех всегда обволакивает меня, как тёплое покрывало.

— Ты слишком глубоко ушла в свои мысли, — говорит чуть хрипло. — Я мог бы быть кем угодно.

— Большим серым волком? — хихикаю.

Его руки сильнее обнимают меня, и я чувствую его — твёрдое, уверенное тело за моей спиной. Запах бергамота смешивается с тёплой пряностью. Затем я улавливаю знакомую кожаную ноту — глубокую, насыщенную, точно передающую его характер. Этот запах всегда напоминает мне, кто он есть: человек, которого боятся многие, но которого я полюбила и которому доверилась когда-то полностью.

Не прогадала. Мой муж надежность и незыблемая величина в моей жизни.

Двадцать лет назад мы были другими: наивными, влюбленными, голожопыми и жадными до всего. Эмоции, объятия, секс, амбиции, новые достижения и новые увлечения.

Его губы мягко касаются моей шеи. Лёгкий поцелуй, почти невесомый. Я закрываю глаза, ощущая, как исчезает всё вокруг — кухня, нож, салат. Только он, его руки, его дыхание.

— Ты охренительно пахнешь, Птичка. Хочу тебя… — жарко и тихо шепчет мне на ухо, но я чувствую каждый рычащий звук.

В этих словах — жадность, требовательность. Он всегда был таким, и, что бы я себе ни говорила, мне это нравится.

Я кладу руки поверх его ладоней, которые всё ещё обнимают меня, и медленно выдыхаю.

— Нужно спешить, сегодня наш сын приведет в дом свою девушку, — отвечаю, – А мы их встретим где? Выходя из спальни? Нет дорогой, потерпи до ночи.— Он усмехается за моей спиной.

— Пиздец. Когда он успел вырасти?

Я целую тыльную сторону его ладони. Муж усмехается за моей спиной, и я чувствую его желание и жадность — по вибрации его тела, по тому, как его губы снова касаются моей кожи чуть сильнее.

— Пока ты завоевывал очередную высоту и покупал очередной банк, летал по миру, твой сын окончил школу и даже начал бриться. А сегодня ты пораньше. Спасибо Макс.

Мой муж — это человек, который привык всё контролировать. Владелец инвестиционной компании *Aurum Capital Group* с офисами по всему миру, он участвует в слияниях, поглощениях, управляет миллиардами и диктует правила целым отраслям. Я знаю, что он делает это для нас, но иногда кажется, что его работа забирает слишком много.

Макс не отпускает меня, наоборот, притягивает ближе, и его голос становится серьёзным.

— Я рядом. Это все для нас, Птичка. И я всегда возвращаюсь. Никаких больше высот и командировок. Обещаю.

Его руки сжимаются на моей талии.

Он целует меня в шею, на этот раз дольше. Моё сердце начинает биться быстрее. Я хочу ответить, но вместо этого просто прижимаюсь к его рукам. Его запах, тепло, голос — всё это заставляет меня верить ему. На мгновение.

– Ну вот, не успела, – сокрушаюсь, глядя на недорезанный салат.

— Марьяна доделает, пойдем встречать гостей, – муж обнимает меня за талию и вынимает из моих рук полотенце. — Зачем ты сама в это все ввязалась? Есть повар. Марьяна Петровна, кухня ваша, – говорит чуть громче, и уводит меня из кухни.

— Рома сказал, что они скоро приедут, — говорит Максим, пока мы поднимаемся наверх.

— Он звонил? — спрашиваю, чувствуя лёгкую тревогу.

— Записал голосовое, — сухо отвечает он.

Я знаю, как нелегко было Максу наладить контакт с сыном. Слишком долго их отношения были холодными, но всё изменилось, когда он стал инвестором стартапа Ромы. Я выдохнула тогда: юношеский бунт сына закончился. Сегодняшний ужин — ещё одно доказательство того, что всё налаживается.

Через десять минут домработница сообщает, что гости прибыли.

— Ну что, пойдём? — спрашиваю, глядя на Макса, который стоит спиной к гардеробной и застёгивает ремень.

Он оборачивается, и его взгляд задерживается на мне.

— Красивая… до невозможности, — шепчет и, подойдя ближе, дарит короткий, горячий поцелуй.

Я спускаюсь по лестнице, поправляя на ходу браслет на запястье. На первом этаже тихо, и только слабый шум голосов доносится из гостиной. Максим идёт впереди, его шаги тяжёлые, уверенные. Он всегда первым входит в любую комнату, как будто пространство должно привыкнуть к его присутствию.

— Они уже здесь… — не спрашиваю, а констатирую факт, стараясь скрыть лёгкое волнение. Даже понять не могу откуда оно взялось? Весь день дергаюсь, забываюсь, в облаках летаю, но где-то в глубине души что-то свербит и шевелится.

Муж оборачивается через плечо и молча кивает.

В гостиной они сидят на мягком диване — Роман с его широкой, искренней улыбкой и… она. Девушка. Когда я вижу её, ноги будто застывают на месте.

Она медленно поворачивает голову в нашу сторону, и я чувствую, как моё дыхание на мгновение замирает. Я даже не сразу слышу слова Романа.

— Мам, пап, познакомьтесь, это Алиса, — говорит, вставая и жестом приглашая девушку подняться.

Она тоже встаёт. Её движения — плавные, уверенные, даже немного демонстративные. Темные волосы, идеальная линия подбородка, тонкие черты лица — всё это бьёт меня, словно пощечина. Это невозможно. Но она… она точная копия. ЕЕ копия… Той, что двадцать лет назад не давала покоя моей семье.

Глава 2

Виктория.

Я бросаю взгляд на Максима, надеясь, что он не заметил, но его лицо говорит всё. Его глаза чуть расширяются, губы сжимаются в тонкую линию, как будто он пытается подавить какую-то эмоцию. Это мгновение длится всего секунду, но мне хватает, чтобы понять: он тоже видит это.

— Приятно познакомиться, Алиса, — говорю спустя несколько долгих секунд тишины, стараясь не выдать дрожь в голосе.

— Здравствуйте, — отвечает “копия” с мягкой улыбкой. Её голос спокоен, но в нём есть что-то, что заставляет меня напрячься ещё сильнее.

Максим молчит, но подходит ближе и протягивает руку.

— Добро пожаловать, Алиса. Роман о тебе много рассказывал.

А вот это возможно ложь. Ромка ни словом не обмолвился мне о своей девушке. Просто сказал, что появилась, что влюбился. И “Мам, я так хочу вас с ней познакомить. В пятницу придем на ужин”.

все. Больше я о ней ничего не знала и не слышала. А теперь, стою и смотрю на любовь своего сына и … не могу унять сердце колотящееся в груди так стремительно, будто у меня тахикардия.

не отвожу глаз от Макса. пытаюсь увидеть каждую деталь: дергающиеся мышцы на лице или глаза… Но…

Тон мужа ровный, а я знаю его слишком хорошо, чтобы поверить в это спокойствие. Он смотрит на неё слишком долго, словно пытается найти что-то большее за этой внешностью.

Роман не замечает ничего странного. Он сияет от счастья, обнимает Алису за плечи и усаживает обратно на диван.

— Мы думали, вы уже не придёте, — начинает тараторить с лёгкой улыбкой.

— Немного задержались, — отзываюсь, сидя на диване с безупречно ровно осанкой. будто в меня вставили штырь и он не дает мне расслабиться ни на секунду. А мой взгляд скользит обратно к Алисе.

Она снова поворачивается ко мне, её глаза изучают меня, как будто она уже знает больше, чем должна. От этого взгляда по спине пробегает холодок, нет, мурашки с ледяным потом расползаются и морозят.

— Надеюсь, вы голодны, — говорит мой муж, отводя взгляд и делая шаг в сторону бара. Я вижу, как его рука чуть сильнее сжимает бокал.

Я скрещиваю ноги и стараюсь выглядеть так, будто всё в порядке. Но внутри меня всё кипит, скрипит. Шестерни старой памяти меня отбрасывают на двадцать лет назад. Эта девушка… она словно из прошлого, о котором я обещала себе никогда больше не вспоминать.

Я краем глаза замечаю, как Максим ставит бокал на стол и садится рядом. Его лицо снова непроницаемо, но я чувствую, как напряжение между нами растёт с каждой секундой. Надеюсь, что никто не замечает это. Только муж и я. и память о той кого я вспоминать совсем не хотела.

А он? Он вспоминал ее когда-нибудь? За эти двадцать лет.

Та история поросла паутиной, покрылась огромным слоем пыли, тоннами пыли. она замурована огромным количеством бетона в самых дальних уголках моей души.

Я ее похоронила! Нет ее больше! Нет! Но она сидит напротив меня, прижимается тонким молодым плечиком к моему сыну, доверчиво заглыдвает в его глаза и ловит каждое его слово. я даже не заметила как они начали разговор с мужем.

— Мам, ну так что? За стол? – выныриваю из мыслей, липких, словно паутина самого ядовитого паука на свете.

— Да, да, – спохватываюсь и вскакиваю со своего места, словно ужаленная. —Пойдемте за стол. Рома, Алина.

— А можно в уборную? — нежным голоском, как будто двадцать лет назад… спрашивает ОНА.

— Провожу, — наш сын, как джентльмен, провожает свою любимую девушку по коридору до двери в туалет.

А мы с мужем идем в столовую, где уже накрыт стол, для самых дорогих для меня людей: моей семьи.

— С тобой все впорядке? — Макс обгоняет и заглядывает мне в глаза, внимательно смотрит и ждет ответ. А я не знаю, что сказать… я в полном ауте. — Устала, утомилась? Сколько раз тебе говорил, что не нужно так все контролировать, Птичка…

— Макс, — хватаю его за руку, не давая договорить, — Максим… она, она…

— А вот и мы, — Ромкин голос за спиной не дает нам закончить разговор.

А мне начинает казаться, что я ненормальная… Виски начинает ломить сильной болью, но я взяв себя в руки, “надеваю” улыбку и приглашаю всех за стол.

Как прошел ужин? Я не помню. Я постоянно смотрела на НЕЕ: то прямо, то украдкой, то искоса.

Алиса воспитанная девушка, знает где стоит улыбнуться, где смолчать. Улыбка ее очень лучезарна и обворожительна. Этого у нее не отнять. Молодая и пышащая энергией и одно лицо с НЕЙ.

Я вставляю какие-то незначащие фразы, пытаюсь поддержать разговор и даже не отдаю себе отчет в том, что все скатывается в “да, нормально, спасибо, прекрасно…” ощущаю себя психически заторможенной теткой.

но когда раздается фраза сына:

— Мы поживем у вас недельку?

Приборы выпадают из моих одеревеневших рук так громко… со звоном приземляясь на стол. И все три пары глаз устремляются на меня. А я… а я не знаю…

Что ответить родному сыну?

Глава 3

Виктория.

— Мам… всё в порядке? — сын выжидательно смотрит прямо на меня. Его взгляд цепкий, внимательный, а я… я обвожу всю собравшуюся компанию взглядом, чувствуя, как внутри разрастается напряжение. Алиса сверкает голубыми глазами. Боже, у неё даже цвет глаз как у той. Этот оттенок, этот взгляд — я не могу отвязаться от сравнения. В голове вспыхивает мысль: “Это совпадение?” Но почему тогда меня так колотит изнутри?

Ромка, наш сын, протирает во мне дыру, а Макс… Макс только что переводит на меня свои глаза, которые до этого безучастно смотрели на Алису, девушку, сидящую за другим концом нашего круглого семейного стола.

Стола, что сервирован нашим семейным сервизом. Я его с таким трудом из Китая тащила. Каждую фарфоровую чашечку своими руками упаковывала. Он у нас для особых случаев… И этот случай, как я считала днём, настал именно сегодня. Сын девушку знакомиться привёл. Событие, которого я так ждала, которого хотела… но теперь внутри меня глухая боль, смешанная с тревогой.

— А что с твоей квартирой? — неожиданно спрашивает муж. Его голос ровный, как всегда, но я улавливаю что-то едва заметное, будто тонкий намёк на недовольство, что понятно только мне. Двадцать лет рука об руку то… не шутки.

— Ремонт небольшой. Хочу переделать спальню. Гардеробная маленькая, и я решил, что если уберу свой спортзал и соединю комнаты, то получится отлично.

— Спортзал? — переспрашивает Макс слегка холодным голосом, не как обычно. Мне кажется, или он напряжён?

— Да, а что, нельзя? — Ромка тут же становится колючим. По привычке выпускает шипы, как ёжик, когда что-то идёт не так, как он задумал. Мне не нужно даже смотреть на него, я понимаю это по интонации.

— Мы дизайнера нашли, у неё своя бригада. Всё будет тип-топ. Просто поживём у вас пока. Так вы согласны? — его взгляд на себе я почти ощущаю кожей. Он ждёт моего ответа.

Поднимаю глаза на мужа и вижу его ровный, абсолютно спокойный взгляд. Он, как всегда, оставляет право решения за мной. Предоставляет мне это право — или ловушку? Я думаю ещё минуту. Взвешиваю… и…

— Конечно, Ром, мы с папой не против, — максимально добродушно даю ответ сыну, хотя внутри всё сжимается. Я пытаюсь прогнать мысли, которые словно жужжат надоедливым роем. “Это нормально. Они молодые. Ромка взрослый… но почему мне так неспокойно?”

— Мы тогда займём гостевую спальню, в моей тесно, и кровать маленькая. А вот в той гостевой, что рядом с кабинетом, в самый раз. Хорошо, мамуль?

И что мне остаётся делать? Мои мысли разбегаются в разные стороны, но ни одна из них не даёт мне облегчения. Я ещё раз бросаю взгляд на мужа. Он абсолютно спокойно пилит кусок стейка. Его невозмутимость меня одновременно бесит и пугает. Почему он ничего не говорит? Он всегда говорил.

Вдох-выдох.

— Да, конечно.

Ромка тут же поднимается со своего места и спешит меня обнять. Его руки тёплые, но мне кажется, что я от стресса его почти не чувствую. Вырос вроде бы, а всё такой же оболтус…

— Спасибо вам! Мы, правда, уже с вещами приехали. Да, я ж знал, что маман не заставит по съёмным углам меня мотаться.

— Алис, я сейчас всё занесу! — и он уносится в коридор, слышно только, как хлопает входная дверь.

А у меня в голове ворох дум. Туман, липкий и тяжёлый. Он с ней спит. Парень взрослый, ранний, я прекрасно это понимаю. Конечно, будет жить в одной комнате. Они пара.

Я снова смотрю на Макса и пытаюсь понять, почему его спокойствие кажется мне неестественным? Или я себя накрутила? От усталости?

Почему он ничего не сказал, когда Ромка предложил именно эту спальню?

— Алиса, а где ты учишься? — вырываю себя из размышлений. И мой голос звучит слишком дружелюбно, как будто я сама пытаюсь убедить себя, что всё нормально. Она поднимает на меня взгляд, слегка смущённый, но сразу же отвечает:

— Я закончила колледж. Сейчас подыскиваю работу.

— Колледж? А какая у тебя специальность? — продолжаю, стараясь не выдавать своё напряжение.

— Анализ финансового рынка и управление инвестициями, — произносит с гордостью. — Очень хочу работать в крупной компании. Сейчас много возможностей в этой сфере.

Моё сердце словно замирает. Финансовый анализ? Это ведь стихия Макса. Его бизнес. Его мир. Я поднимаю взгляд на мужа, пытаясь понять, заметил ли он эту деталь, но он все также невозмутимо ест стейк. Только мне кажется, что его движения стали чуть медленнее. Или я накручиваю себя?

— Прекрасная специальность, —вдруг неожиданно Макс подает голос, — Это действительно перспективная сфера.

Глава 4 Вика

Сажусь на край кровати, устало снимаю серьги и кладу их на прикроватный столик. Движения механические, будто на автомате. Я пытаюсь расслабиться, но не получается. Вместо этого тревога пульсирует внутри, и с каждой минутой её становится всё больше.

Спальня тёмная, только мягкий свет от прикроватной лампы слегка освещает комнату. Слышу, как за окном шелестит ветер, а часы на стене тихо тикают. Обычно это меня успокаивает, но сейчас нет. Внутри меня настоящий хаос. Голова разрывается от мыслей. Вечер с Ромкой, его девушкой, их разговоры — всё это не даёт мне покоя. Алиса. Её внешность как две капли воды с …, улыбка, взгляд. Почему я никак не могу выбросить это из головы? Ну нет ее больше в нашей жизни, нет!

Дверь ванной комнаты открывается, и в спальню выходит Максим. Он только что из душа. Волосы слегка влажные,из одежды только полотенце обмотанное вокруг бедер. Он будто светится в мягком свете лампы… капли стекающие по загорелой коже, мы не так давно в отпуске были. А запах свежести и древесного геля для душа сразу наполняет пространство. Я стараюсь не смотреть на него, но это сложно. Максим всегда умел занимать всё пространство, даже если ничего не говорил.

— Ты устала, —не вопрос, констатирует факт, но я чувствую что-то, природу только понять не могу. . Он всегда знает, как начать разговор, чтобы вытащить из меня то, о чем я не хочу говорить.

— Да, вечер был длинным, — отвечаю, стараясь сохранить спокойствие. — Но всё прошло хорошо.

Максим подходит ближе, и я чувствую его тепло, даже если он не касается меня. Он усаживается рядом, изучая мое лицо внимательным взглядом. Пальцы мягко касаются моего плеча, скользят вниз по руке. Этот жест привычный, но сегодня в нём что-то другое. Прикосновение настойчивое, но не торопливое, как будто он хочет что-то сказать, но не находит слов. Или просто не знает ЧТО сказать?

— Алиса тебе понравилась? —спрашивает со странной ноткой.. А я приоткрываю глаза и смотрю на него, пытаясь понять, почему он это спрашивает.

— Она произвела хорошее впечатление, — отвечаю, глядя на него внимательно. Я ищу подсказки, но его лицо, как всегда, остаётся спокойным. Только глаза — слишком цепкие.

— Молодая, амбициозная, общительная, — добавляет ровным тоном, будто резюмируя. И вроде бы голос звучит как обычно, но я не могу уловить еще чего-то… оно ускользает от меня как туман.

Вся замираю, а внутри меня что-то толкает задать этот вопрос, хотя я не уверена, хочу ли услышать ответ.

— Красивая? — беззаботно интересуюсь. Но внутри всё сжимается. Максим медлит. Прикрывает всего лишь на мгновение глаза.

— Ромка не выбрал бы некрасивую, — наконец говорит . Ровно, спокойно, почти безразлично. Но эта пауза... Она была лишней. Почему он не сказал просто «да»?

Я отворачиваюсь, делая вид, что его слова меня не задели. Встаю, чтобы выключить свет, но не успеваю. Максим мягко, но уверенно перехватывает мою руку.теплыми пальцами. Я чувствую его силу, даже когда он молчит.

— Ты знаешь, что мне никто, кроме тебя, не нужен, —порыкивает шепотом.. Его взгляд цепляется за мой, не давая отвернуться. В комнате становится ещё тише.

Максим наклоняется ближе. Я чувствую его дыхание на своей коже, горячее и обжигающее. Его губы опускаются на мою шею, оставляя едва ощутимый след тепла. Я пытаюсь что-то сказать, но слова теряются, растворяются в этом моменте. Он поднимает моё лицо за под-

бородок, и наши взгляды встречаются. В его глазах знакомый мне огонь, что охватывает нас всегда обоюдно. Это взгляд человека, который привык держать всё под контролем.

Его губы накрывают мои, мягко, но уверенно. Я чувствую, как его тепло окутывает меня, как волна, накрывающая с головой. Его прикосновения настойчивые, но не грубые, как будто он хочет дать мне понять что-то важное. Я теряюсь в этом моменте, забывая обо всём, кроме него.

Максим укладывает меня на кровать, все движения плавные, неторопливые. Каждое его прикосновение как обещание, которое он даёт, даже если не произносит его вслух. Я чувствую, как его руки скользят по моей коже, оставляя следы. Это больше, чем просто близость. Это его способ сказать, что я — его, и никто больше не сможет этого изменить.

Он становится настойчивее. Губы скользят по моей шее, плечам, оставляя за собой горячий след, от которого у меня сбивается дыхание. Максим поднимает голову, глаза прожигают меня своим взглядом.

— Ты моя, — произносит низко и хрипло, словно утверждает очевидное. — Понимаешь? Только моя.

Слова и глаза обжигают меня сильнее прикосновений. Наклоняется снова, губы накрывают мои с такой жадностью, что я забываю, где я и кто я. А его руки крепко держат меня, словно боятся, что я исчезну.

— Я тебя люблю, Птичка, — шепчет, и его голос звучит так, словно это клятва, которую он произносит впервые. — Навсегда.

Я чувствую, как мои мысли растворяются в его словах, в его действиях. Всё вокруг исчезает, остаётся только он, его тепло, его сила, его любовь. Ночь накрывает нас, оставляя только шёпот обещаний и его горячее дыхание на моей коже. До утра. Я спокойна и расслаблена. А мои сомнения прячутся в темные углы. Я ему верю. Всегда верила.

Глава 5

Виктория.

Я просыпаюсь позже, чем обычно. Свет уже ярко льётся через окна и в доме тишина. Чаще всего я встаю первой, готовлю завтрак, пока Максим занимается в спортзале или бегает на улице, если погода позволяет. Мы едва успеваем выпить кофе вместе перед тем, как разъезжаемся по своим офисам, чтобы встретиться только поздним вечером. Но бывают дни, когда мне на работу к обеду, и тогда Максим не будит меня. Он просто заходит в спальню, нежно целует перед уходом. Сегодня этого не было почему-то или я так крепко спала, что просто не заметила?

Я быстро умываюсь, накидываю халат и спускаюсь вниз. Тишина в доме кажется подозрительной, молодежь еще спит? Нет ни шума с кухни, ни звука шагов.

Когда я захожу в кухню, первым делом замечаю темную макушку. Алиса сидит за столом, поднося к губам фарфоровую чашку. Её поза расслабленная, даже утончённая, как будто она чувствует себя здесь на своём месте. Она улыбается мне, как только встречает мой взгляд.

— Доброе утро, — говорит она первой.

— Доброе, — отвечаю, машинально подходя к кофемашине. — А где Рома?

— На пробежке, — отвечает она, чуть наклоняя голову. Её длинные волосы падают волной на плечо, и мне приходится напомнить себе, что я не должна так внимательно её разглядывать.

Я киваю, бездумно вставляя первую попавшуюся капсулу в кофемашину, и чувствую её взгляд на своей спине. Моё сердце начинает биться чуть быстрее. Я чувствую себя рядом с ней странно.

Затянувшуюся тишину прерывает звук открывающейся террасной двери. Я оборачиваюсь и вижу запыханного сына. Он в спортивной одежде, лицо раскраснелось от холода, а волосы взлохмачены.

Он так похож на Максима. Просто одно лицо. Тот же твёрдый взгляд, слегка насмешливое выражение, даже осанка. Все привычки перенял у отца неосознанно. спит как Максим, любит есть, то что люит муж. Склад ума такой же.И я горжусь им все больше и больше. Молодой, перспективный, предприимчивый и смекалистый. Сейчас я четко вижу перед собой молодого Максима — в те годы, когда мы только познакомились.

— Мам, ты уже встала? — говорит он, быстро снимая кроссовки. Клюет меня в щеку и подходит к Алисе. — Папа только что звонил, сказал, мне срочно нужно в офис. — Забирает из ее рук чашку с чаем, хватает бутерброд с тарелки.

— Что-то случилось? — спрашиваю я, стараясь не выдавать лёгкую тревогу.

— Понятия не имею, — пожимает плечами он. — Ладно, я быстро в душ, переоденусь. и поеду. Не скучайте, девочки! – Приветливо нам подмигивает и вихрем уносится на второй этаж.

Неловкость в воздухе становится почти ощутимой. Я сажусь за стол с чашкой кофе, но не могу найти тему для разговора. Всё, что я думаю, кажется неуместным. Её присутствие в нашем доме кажется неуместным и инородным.

— У вас красивый дом, — вдруг говорит она, нарушая тишину, голос звучит искренне.

— Спасибо, — отвечаю.

Она улыбается, проводя пальцами по краю чашки.

— Я всегда мечтала о таком. Большой, уютный, где всё дышит теплом. — мечтательно и тепло продолжает.

Я приподнимаю бровь, её слова задевают во мне что-то.

— Мечтала? — переспрашиваю я.

Алиса кивает, а её взгляд становится чуть отстранённым.

— В детском доме все мечтают о семьях и домах. О таких, как ваш. Где пахнет выпечкой, где можно спрятаться в комнате и почувствовать себя в безопасности.

Эти внезапные слова- признания застают меня врасплох.

— Ты росла в детском доме? — спрашиваю я, чувствуя, как мои напряженность начинает немного ослабевать.

Боже… детский дом - это уже страшно звучит…

Она смотрит на меня чистыми огромными глазами полными боли.

— Да. С года до десяти лет. До года была мама… потом её не стало. а в десять меня удочерили.

— Мне жаль,— произношу я искренне.

Алиса слегка улыбается, но в этой улыбке есть что-то грустное.

— Спасибо. Это было давно. Но детский дом… он всегда остаётся с тобой. Даже когда ты оттуда выходишь, ты уже другой.

Её слова отдаются в моей голове гулким эхом. Всё, что она говорит, звучит честно. Её взгляд, её тон — всё это заставляет меня усомниться…

— Вы с Ромой, кажется, хорошо ладите, — говорю я, чтобы поддержать разговор.

— Он замечательный, — отвечает с лёгкой улыбкой. — Заботливый, добрый. Я не думала, что такие люди вообще существуют.

В этот момент на кухню возвращается Роман, уже переодетый. Он кидает взгляд на нас и улыбается.

— Я поехал. Позвоню, как освобожусь.

— Будь осторожен, — говорю Алиса, целуя его еще раз. И он быстро выходит из комнаты.

Когда дверь за ним закрывается, я снова остаюсь с Алисой. Её улыбка сохраняется, но я чувствую, как странное напряжение между нами растворяется. Может быть, я ошибалась. Может быть, она просто молодая девушка, которую судьба слишком рано заставила взрослеть.

Глава 6

Виктория.

— Так что ты говоришь на счет новой коллекции? Уже заказала ткани? — Оля, моя подруга, аккуратно отламывает кусочек мильфея десертной ложечкой.

— Все эскизы отработаны, лекала раскроенны. Ткани утвердила и заказ уже отправлен. Ждем доставку. — Мой десерт, как и чашка чая не тронуты. Чай уже остыл. а в горло не лезет даже крошка. Нет аппетита и настроения.

После того как Ромка умчался в офис, мы позавтракали и Алиса поднялась в комнату отведенную для них с сыном. Я же…

А я, приняв душ и высушив голову, нанесла легкий мякияж и позвонила подруге.

мы дружим два десятка лет. Мне понравилась эта молодая женщина, пышущая здоровьем и энергией, с рыжими волосами и живото размером с воздушный шар. Мне казалось, что в ее животе живет богатырь, а потом оказалось, что она беременна двойней. И пока мы лежали в дородовом отделении, а потом и в послеродовом… так сдружились. Что через три месяца покрестили своих деток и с тех пор стали не разлей вода.

Оля старше меня на пять лет. А мне часто кажется, что на целую жизнь. Она пять лет как в разводе и считает себя счастливой женщиной. Ее дочь и сын учатся в престижном вузе нашей столицы, а бывший муж за эти пять лет уже успел два раза жениться, родить двоих детей и столько же раз развестись. Остаться без квартиры и штанов…

Оля же… благодарит Бога за то, что он убрал из ее жизни этого “членоносца” Семена. На самом деле она его выпнула из их общего дома с чемоданом, после того как обнаружила его интрижку с коллегой по работе. Застав их в туалете во время корпоратива на восьмое марта.

– Ты не заболела? – участливо интересует Оля, все же донеся кусочек пирожного до рта. — Это кощунство так вкусно готовить. Я только села на диету. — закатывает глаза от удовольствия.

— Нет, – флегматично отвечаю.

Но в моем поведении есть странности. Во-первых мы крайне редко видимся посреди рабочего дня. я вечно торчу в ателье.

—Ты слегка бледная, Кусь. — Отложив в сторону ложку, Оля изучает меня внимательным взглядом.

Она знает меня слишком хорошо.

— Или, подожди, вчера было знакомство с девочкой Ромаша. ты расстроилась? Мои оболтусы тоже выросли, — грустно вздыхает, – Что не видишь приведут мне на знакомство кого-нибудь. Я пока еще совсем для этого молода. Давай колись.

Я мну в руках салфетку и поднимаю на подругу глаза. Сказать? Услышать, что я дура и…

—Ромка привел в дом девушку как две капли воды похожую на Дашу. – Выпаливаю быстро чтобы не передумать.

И да. я сбежала из дома. Трусиха.

А это совсем не та реакция которая должна была быть. Я струсила и убежала потому что в моем сердце появилась жалость. И она всегда очень сильно влияет на мягкосердечных женщин. Женщин, что очень хотели в своей жизни как минимум сыночка и дочку, а по итогу так и не смогли реализовать весь свой план на жизнь.

А девочка с личиком - сердечком и пронзительными глазами…

— Чего? – громче нужного выпаливает Оля и выпячивает на меня глаза.

— Того. Она просто ее копия и я с вечера думаю, что просто начала сходит с ума. Ведь ее нет. Ну такого быть не может, потому что с того света не возвращаются спустя двадцать лет.

— Так что ты говоришь насчёт новой коллекции? Уже заказала ткани? — Оля, моя подруга, аккуратно отламывает кусочек мильфея десертной ложечкой. Её рыжие волосы падают на плечи мягкими локонами, а глаза блестят любопытством.

— Все эскизы отработаны, лекала раскроены. Ткани утвердила и заказ уже отправлен. Ждём доставку, — отвечаю я, машинально проводя пальцами по чашке. Мой десерт, как и чай, остаются нетронутыми. Чай давно остыл, а в горло не лезет даже крошка. Нет аппетита и настроения.

После того как Ромка умчался в офис, мы позавтракали, и Алиса поднялась в комнату, отведённую для них с сыном. А я… Я приняла душ, высушила голову, нанесла лёгкий макияж и, не зная, куда себя деть, позвонила Оле.

Мы дружим уже два десятка лет. Мне всегда нравилась эта молодая женщина, пышущая здоровьем и энергией. Её рыжие волосы яркие, как пламя, а смех — заразительный. Когда мы познакомились, её живот был похож на воздушный шар, и я шутила, что там живёт богатырь. Оказалось, что она беременна двойней.

Мы встретились в дородовом отделении. А через три месяца после выписки мы крестили своих детей и стали почти неразлучны.

Оля старше меня на пять лет. Иногда мне кажется, что на целую жизнь. Она пережила развод и считает это своим главным достижением. Её дети — дочь и сын — учатся в престижном вузе столицы, а бывший муж успел дважды жениться, родить двоих детей, столько же раз развестись и остаться без квартиры и штанов.

— Благодарю Бога, что он убрал из моей жизни этого «членоносца» Семёна, — любит говорить она. На самом деле это Оля выпнула его из дома с чемоданом после того, как застала в туалете с коллегой по работе во время корпоратива. На восьмое марта.

Сейчас она изучает меня внимательным взглядом, отламывая очередной кусочек мильфея.

— Ты не заболела? — спрашивает Оля, наконец донеся ложечку до рта. — Это кощунство так вкусно готовить. Я только села на диету, — закатывает глаза, блаженно смакуя десерт.

— Нет, — отвечаю я флегматично.

Но в моём поведении есть странности. Во-первых, мы крайне редко видимся посреди рабочего дня. Обычно я торчу в ателье, решая сто дел одновременно.

— Ты слегка бледная, Кусь, — Оля откладывает ложку и пристально смотрит на меня. Её глаза узкие, цепкие. Она знает меня слишком хорошо, чтобы не заметить что-то неладное. — Или, подожди… Вчера было знакомство с девочкой Ромаша? Ты расстроилась?

Она грустно вздыхает, откидывается на спинку кресла.

— Мои оболтусы тоже выросли. Что не видишь, приведут мне на знакомство кого-нибудь. Я пока ещё совсем для этого молода. Давай, колись.

Я мну в руках салфетку, чувствуя, как ком подкатывает к горлу. Сказать? Услышать, что я дура и накручиваю себя?

— Ромка привёл в дом девушку, как две капли воды похожую на Дашу, — выпаливаю быстро, чтобы не передумать.

Я сбежала из дома. Трусиха. Это была единственная молниеносная идея. Потому что в моём сердце появилась жалость. А она всегда очень сильно влияет на женщин, которые хотели в своей жизни как минимум сына и дочь, но по итогу не смогли реализовать этот план.

— Чего? — громче нужного выпаливает Оля, её глаза округляются.

— Того. Она просто её копия. И я с вечера думаю, что просто начала сходить с ума. Ведь её нет. Ну такого быть не может, потому что с того света не возвращаются спустя двадцать лет, — слова вылетают из меня, как прицельные стрелы, в которых я сама не хочу верить.

Мои пальцы сжимают салфетку, пока я изучаю реакцию подруги. На её лице — смесь удивления и растерянности. Я глубоко вздыхаю, чувствуя, как всё внутри сжимается.

— Расскажи ещё раз. Всё. И спокойно, — говорит Оля, откладывая остатки пирожного. А ее беззаботный взгляд становится серьёзным. — Ты точно не бредишь?

— Я сумасшедшая? – практически каркаю севшим голосом.

— Давай рассказывай.

Глава 7

Виктория.

Мне просто смертельно не хочется возвращаться в ад двадцатилетней давности. Вновь окунаться в эмоции, которые я с трудом пережила. Я замуровала воспоминания и боль прожитого за семью замками в сундуке в самом дальнем углу своей памяти. А разворошить его это… равнозначно смерти. Или если тебе станут ковырять старый шрам ржавым гвоздем. Очень похожее состояние.

Но может быть действительно стоит рассказать хоть кому-то? Поделиться и выпустить из себя накопившееся за последние сутки…?

Но я не успеваю даже открыть рот. У меня начинает елозить в припадке телефон по каменной столешнице. От неожиданности я подпрыгиваю на месте как пугливый кролик. Смотрю на гаджет, что перевернут экраном вниз и вмиг. Переворачиваю экраном к себе: “Серый Волк” улыбаюсь увидев имя абонента.

Когда мы познакомились с Максом, даже не зная его фамилии на тот момент, вбивая его контакт в записную книжку “Серый Волк” как же это было судьбоносно.

Музыка гремит так, что стакан на барной стойке чуть заметно подрагивает. Свет прожекторов то и дело меняет оттенки, заставляя помещение казаться нереальным. Вечеринка «Сказочные герои» явно удалась — вокруг сплошь принцессы, рыцари и прочие сказочные персонажи. Все веселятся, смеются, кто-то танцует слишком смело, кто-то фотографируется с огромными фигурами драконов, выставленными для антуража.

Я стою у барной стойки, разглядывая толпу и попивая безалкогольный коктейль. На мне красное платье и плащ — Красная Шапочка. Просто. Символично. Хотя я бы не сказала, что очень люблю такие мероприятия. Если бы не уговоры подруг, я бы точно осталась дома.

Вдруг рядом кто-то появляется. Краем глаза отмечаю высокую фигуру, а еще я ощущаю на себе Его взгляд. Я чувствую его уверенность буквально кожей. Мельком на него и глаза обратно в бокал.

Серый Волк — серый мех, огромные лапы и даже капюшон с ушами.

Он наклоняется чуть ближе, опираясь на стойку.

— Я тебя съем, — говорит он низким, немного растягивающим слова голосом.

Поворачиваюсь к нему, чувствуя, как удивление сменяется улыбкой. Наглый какой, знали и плавали. Отшивать красиво я умею.

— Не подавишься?

Он улыбается. Нет, он ухмыляется — чуть самоуверенно, с дерзким блеском в глазах.

— О, уверен, — говорит он, выпрямляясь. — У волков с аппетитом всё в порядке.

Нажимаю на зеленый кружочек и подношу трубку к уху.

— Привет, — мягко здороваюсь с Серым Волком.

— Привет, Птичка. Я сегодня очень рано уехал из дома, а ты так сладко спала, что не хотел тебя будить, — слышу как на заднем фоне хлопает дверца авто. — Еду в White Rabbit. Деловой обед, не хочешь составить мне компанию?

Мое ателье находится не так далеко от ресторана. И мы очень любим именно это заведение. Потому что оно находится ровно посередине между нашими офисами. В нем приятная атмосфера и превосходная русская кухня.

— Деловой обед с кем? – интересуюсь, мельком взглянув на подругу.

— Появилось очень смачное предложение, и мне бы очень хотелось, чтобы ты была рядом, — добавляет Максим, а в его голосе сквозит лёгкая улыбка.

— Ты меня заинтриговал, — улыбаюсь я в трубку, ощущая, как теплеет от его тона. — Так о чём речь?

— Это деловая встреча с представителями фонда «Луч надежды», — объясняет он, и я слышу, как двигатель авто мягко гудит на фоне. — Они занимаются благотворительностью, направленной на помощь детям из малообеспеченных семей и сиротам. Но не просто базовой поддержкой, а созданием образовательных и профессиональных программ.

— Звучит интересно, — признаю я, ловя взгляд подруги, которая молча поднимает брови, явно следя за разговором. — Но ты же не особо любишь такие инициативы?

— Обычно нет, — соглашается Максим. — Но их предложение… это больше, чем просто благотворительность. Они хотят построить платформу, которая действительно меняет жизни. И, признаться, я думаю, что твоё присутствие здесь будет важно.

— Моё? — удивляюсь я, поворачиваясь к окну и задумчиво смотря на прохожих. — Почему?

— Потому что ты знаешь, что такое создавать что-то с нуля. У тебя есть опыт и вкус. И я хочу, чтобы ты помогла мне понять, насколько это реально.

Я замолкаю на секунду, взвешивая его слова. Максим редко так говорит. Обычно он принимает решения сам, но если зовёт меня, значит, это действительно важно.

— Хорошо, — соглашаюсь я наконец. — У меня есть пару свободных часов. Когда встречаемся?

— Через сорок минут. Ты успеешь?

— Да, успею.

— Отлично. Тогда до встречи, Птичка, — говорит он, и я чувствую, как его голос становится мягче, почти домашним.

— До встречи, Серый Волк, — отвечаю я и кладу трубку.

Оля качает головой, хитро прищуриваясь.

— Ты явно нужна ему не просто так. Что там за благотворительность?

— Фонд для детей из малообеспеченных семей и сирот. Образование, ориентация, помощь. Максим хочет, чтобы я оценила их подход, — отвечаю я, собирая вещи.

— Хм, интересно, — задумчиво говорит она.

— Именно поэтому я и иду, — улыбаюсь я. — Мало времени, извини. – целую подругу в щеку. — Давай увидимся на днях? – виновато смотрю в ее глаза.

Я не успела ей все рассказать.

— Давай. Может быть я к вам заскочу вечером в пятницу?

Прикидываю в уме и соглашаюсь. быстро выхожу из кафе, завожу машину и еду в ателье. Там переоденусь в подходящую одежду и поеду в “Кролика”

В голове уже прокручиваю, как эта встреча пройдёт. Максим редко ошибается в таких вещах, но я чувствую, что эта встреча будет чем-то большим, чем просто деловой обед.

Я не успела всё рассказать Оле. Грустно, но мне кажется, я просто не готова говорить об этом вслух. Впрочем, Максим всегда умел выбирать правильный момент, чтобы заставить меня выйти из зоны комфорта. Может быть, поэтому я и согласилась без лишних вопросов. Он редко зовёт меня на такие встречи, а если зовёт — значит, для него это важно.

— Я точно не подведу тебя, Серый Волк, — шепчу я, выходя из кафе и садясь в машину.

По дороге в ателье я уже продумываю, какое платье выбрать. Что-то, что будет достаточно строго, чтобы произвести хорошее впечатление, но достаточно мягко подчеркнёт моё участие. Для Максима я — не просто жена. Я его лакмусовая бумажка. Поддержка и опора. И если он хочет, чтобы я была рядом, значит, это нужно не только ему, но и мне.

Глава 8

Виктория.

Я оставляю машину на парковке перед зданием «Смоленского пассажира». Холод пробирает сквозь пальто, ежусь слегка после теплого салона машины. Мои каблуки гулко стучат по мраморному полу вестибюля, отражаясь эхом. Лифт быстро доставляет меня на шестнадцатый этаж.

Двери открываются, и я оказываюсь в приятном полумраке ресторана. Огромные окна, через которые открывается вид на Москву, мерцающие огоньки — всё это всегда производит впечатление. Не зря мы с Максимом так любим это место. Здесь всё пронизано элегантностью и спокойствием.

Метрдотель встречает меня у входа, узнавая, проводит к нашему столику. Максим уже здесь. Он сидит, уверенно откинувшись на спинку стула, в идеально сидящем костюме. Рядом с ним — двое незнакомцев: элегантная женщина лет пятидесяти и мужчина, моложе её, с живыми, слегка дерзкими глазами.

Муж поднимает взгляд, замечая меня. На его лице мелькает легкая улыбка, но в ней больше теплоты, чем он обычно показывает на таких встречах.

— Вот и Виктория, — произносит он, вставая.

Я приближаюсь, чуть улыбаясь, и Максим протягивает мне руку, помогая снять пальто. Его пальцы едва ощутимо касаются моей талии, и я ловлю его привычный взгляд: уверенный, спокойный, будто говорящий, что я могу расслабиться — он всё держит под контролем.

— Виктория, знакомься. Анна Григорьевна и Александр Григорьевич Сафоновы, — представляет он наших гостей. — Это представители фонда «Луч надежды».

— Очень приятно, — говорю я, протягивая руку.

— Взаимно, — отвечает Анна Григорьевна, сдержанно улыбаясь. Её осанка идеальна, голос ровный, а глаза цепкие. Я сразу понимаю, что это женщина привыкла быть лидером.

Александр же пожимает мою руку чуть дольше, чем положено, улыбаясь открыто и тепло. Его взгляд менее официальный, и я замечаю в нём искренний интерес.

— Выбери, что хочешь, — тихо говорит Максим, указывая на меню передо мной, пока я сажусь рядом с ним.

— Очень уютное место, — замечает Анна, оглядывая интерьер. — Мы с братом редко позволяем себе такие ланчи. Работа в фонде часто оставляет нас на перекусах в офисе.

— Это место идеально, — отвечает Максим. Он даёт гостям почувствовать себя комфортно.

— Как вы начали свою деятельность? — задаю я вопрос, чтобы лучше понять их историю.

Анна кивает, явно довольная моим интересом.

— Мы основали фонд около десяти лет назад, — начинает она. — Наша цель — помогать детям из малообеспеченных семей и сиротам. Но не просто разово, а строить их будущее. Мы запустили несколько образовательных программ, где дети учатся профессиональным навыкам и получают шанс на достойную жизнь.

— Сейчас мы хотим создать платформу, которая объединит эти программы и предоставит детям больше возможностей, — добавляет Александр. — Это будет нечто масштабное.

Я смотрю на Максима, который кивает, показывая, что внимательно слушает. Я знаю его достаточно, чтобы понять: он уже взвешивает все плюсы и минусы. — Это серьёзный проект, — говорит он наконец. — Какие результаты вы хотите видеть?

Разговор продолжается, и я постепенно вовлекаюсь в обсуждение. Александр рассказывает о том, как дети, участвующие в их программах, уже получают предложения от крупных компаний. Анна говорит о сложностях работы с госструктурами и финансированием.

Но в какой-то момент я понимаю, что мои мысли возвращаются к Максиму. Его уверенность, его способность видеть перспективы там, где другие видят только проблемы, всегда восхищали меня. И я ловлю себя на том, что уже чувствую гордость за него, за нас — даже если встреча только началась.

***

Мы выходим из ресторана, и прохладный вечерний воздух приятно обнимает лицо после мягкого тепла «Белого Кролика». Максим уверенно берёт меня за руку, его пальцы тёплые, и это прикосновение кажется каким-то особенно близким. Как будто он не просто провожает меня к машине, а напоминает, что я всегда рядом с ним, его часть.

— Твоя машина приедет домой через полчаса, — спокойно говорит он, открывая для меня пассажирскую дверь.

— Кто за рулём? — уточняю я, садясь в салон.

— Павел, — бросает Максим, обойдя капот. — Ему я доверяю.

Голос звучит привычно уверенно, но я чувствую под этим что-то ещё, словно он уже мысленно погружён в размышления о встрече. Когда он садится за руль, я замечаю, как его пальцы едва заметно сжимают руль.

— Что думаешь? — нарушает тишину муж, бросая на меня короткий взгляд, прежде чем снова сосредоточиться на дороге.

— Проект впечатляет, — признаю, оборачиваясь к нему. — Но он большой, сложный. Это не просто перечислить деньги и забыть. Они хотят построить целую систему, которая требует времени, ресурсов, внимания.

— Именно, — кивает.. Его взгляд сосредоточен на дороге, но я вижу, как он думает. Лоб чуть нахмурен, а уголки губ сжаты — привычный для него взгляд, когда он взвешивает варианты.

Я молчу, чтобы не мешать ему. Но он продолжает сам:

— Сама идея хорошая. Помощь детям — это не просто благотворительность, это инвестиция в будущее. Но…

Я знаю его достаточно хорошо, чтобы понять, что это «но» — ключевое. Максим редко оставляет дела без завершения.

— У меня нет времени на контроль над этим проектом, — наконец признаётся он, чуть хмурясь.

Его прямота и честность меня покоряют вновь. Я знаю, как много он берёт на себя, как старается держать всё под контролем.

— Но ведь фонд уже работает. Разве им нужен именно твой контроль? — спрашиваю, хотя внутри понимаю, что Максим никогда не сможет оставить что-то важное на полпути.

Он качает головой.

— Они хотят, чтобы кто-то помог им построить структуру, которая будет работать эффективно и долго. А для этого нужен не только капитал, но и грамотное управление. Я не могу вникать в их каждую задачу, координировать процессы, следить за тем, чтобы всё шло по плану.

— Ты ведь можешь найти кого-то, кто будет этим заниматься? — предлагаю я, стараясь найти выход, потому что вижу, как это его волнует.

Максим на секунду отпускает руль одной рукой и проводит пальцами по подбородку.

— Могу, — соглашается он задумчиво. — Но таких людей мало. А ещё меньше тех, кому я доверяю.

Мы снова замолкаем, и я ловлю себя на том, что смотрю на него. На его профиль, на ту едва заметную морщинку между бровей, которая появляется только тогда, когда он чем-то действительно обеспокоен.

— Ты хочешь отказаться? — осторожно спрашиваю.

Он бросает на меня короткий взгляд, а затем снова смотрит на дорогу.

— Пока нет. Но мне нужно понять, как это организовать, чтобы проект не превратился в ещё один бесконечный процесс, который не даст результатов.

достигатор до мозга костей. В этом весь Макс.

— Думаю, ты прав.Но, Макс, если это действительно что-то важное, ты найдёшь способ. Ты всегда находишь.

Он поворачивает голову ко мне чуть дольше, чем обычно, и его взгляд вмиг становится мягким.

— Может быть, поэтому я и хочу, чтобы ты была рядом. Ты умеешь видеть то, что я иногда упускаю.

Эти слова трогают меня глубже, чем он, возможно, думает. Я чувствую, как внутри поднимается тепло, смешанное с гордостью и тем самым ощущением, которое я всегда испытываю рядом с ним — будто я для него не просто жена, а человек, который действительно важен, человек, с мнением которого, он считается.

— Тогда я буду рядом, — отвечаю без капли сомнений.

Максим улыбается. Та самая его улыбка, которая появляется нечасто, но всегда заставляет моё сердце замирать на долю секунды.

Мы подъезжаем к дому, и он паркует машину. Когда он выключает двигатель, тишина становится почти осязаемой. Я поворачиваюсь к нему, не желая нарушать этот момент.

— Ты справишься, — говорю, накрывая его ладонь своей. — Я в этом даже не сомневаюсь.

— Потому что ты в меня веришь, Птичка, — тихо отвечает, накрывая мою руку своими теплыми и надежными пальцами.

Мы заходим в дом, и тишина прихожей сразу растворяется в мягких музыкальных аккордах, доносящегося из кухни. Я на секунду замираю, прислушиваясь, а потом бросаю на Максима быстрый взгляд. Он, как всегда, спокоен и невозмутим.

— Музыка? — спрашиваю, слегка удивлённая.

— Похоже, нас не ждали, — отвечает, снимая пальто и бросая его на вешалку.

Его ладонь уверенно ложится на мою талию, и я чувствую привычное тепло, от которого мои нервы начинают успокаиваться. Мы идём в сторону кухни.

Когда Максим открывает дверь, первое, что я замечаю, — это аромат. Вкусный, тёплый, домашний, с нотками чего-то обжаренного. Потом мой взгляд падает на Алису. Она стоит у плиты, с надетым передником, её волосы немного растрёпаны, а лицо сосредоточено.

Музыка играет достаточно громко, и она даже не замечает нас сразу. Но вот наши шаги, должно быть, выдают нас, потому что девушка вздрагивает, резко оборачивается и замолкает. Её глаза чуть расширяются, будто мы застали её врасплох.

— Ой… добрый вечер, — говорит слегка дрожащим, но старается держаться спокойно.

Я замечаю, как её взгляд пробегает по мне — быстрый, настороженный. Но когда она смотрит на Максима, её глаза меняются. В них появляется что-то мягкое, даже застенчивое, и это заставляет меня невольно напрячься. Вновь.

— Добрый вечер, Алиса, — говорит муж нейтрально, но с лёгкой улыбкой. Он всегда так говорит, когда хочет, чтобы собеседник расслабился. — Вы сегодня за повара?

— Мы с Романом решили приготовить итальянское, — отвечает слегка дрожащим голосом, , переводя взгляд обратно на плиту. И я вижу, как она нервно сжимает ложку. — Пасту и тёплый салат.

— Итальянское? — переспаршиваю, чуть приподнимая бровь. — Впечатляет.

В этот момент я слышу шаги за спиной, и в кухню заходит Роман с широченной сияющей улыбкой.

— Мам, пап, мы всё сделали сами, — заявляет восторженно.

— Это приятно, — отвечает муж, слегка кивнув.

Но Роман продолжает, и я сразу понимаю, что дело не только в ужине.

— На самом деле, не только из-за этого, — говорит он, его взгляд на мгновение задерживается на Алисе.

Она отворачивается к плите, но я замечаю, как её пальцы нервно постукивают по ложке. Это мелочь, но она сразу бросается мне в глаза.

— У нас есть новости, которые мы хотели бы с вами обсудить, — добавляет сын.

Глава 9

Виктория.

Я, словно каменная, прирастаю к полу и стою не шелохнувшись. В голове сцены развития событий одна хлеще другой.

— Ну вы, что родичи, давайте за стол, а потом мы вам все новости свои озвучим! — Ромка заметив мое лицо, подходит ближе и взяв меня за руку тянет к большому столу. — Алиска тут так переживала что вам ее готовка не понравится, что вас ничем не удивить и не накормить…

— Рома…

— Ну что ты Алис, — отодвигает мне стул чтобы я села. — Мои родители простые обычные люди. Пап, не стой как изваяние.

И правда, когда я обращаю на мужа внимание. он стоит все на том же месте и смотрит на происходящее какими-то пустыми глазами. Но мгновение и он уже “тут” соседний стул отодвигается и он рядом.

Протягиваю под столом свою руку к его. Ищу глаза. И не могу понять, что за сюр происходит.

Я в собственном доме, черт подери! Но чувствую себя неуютно, словно стул подо мной неустойчивый. Рома с энтузиазмом накладывает мне в тарелку салат, а я пытаюсь поймать взгляд Максима, который сидит рядом, но смотрит куда-то сквозь стол, словно его мысли сейчас далеко отсюда.

— Ну, Алиска, расскажи! — воодушевлённо говорит сын, подталкивая её к разговору.

Она краснеет, сидя напротив нас и нерешительно улыбается.

— Это ты должен рассказывать, — шепчет, , но Рома уже встаёт, громко провозглашая:

— Мы с Алисой решили пожениться!

Воздух будто становится плотнее. Улыбка Ромы сияет так, что кажется, освещает всю кухню. Алиса опускает взгляд, но уголки её губ всё равно подрагивают от сдерживаемой радости.

А я… я будто в липком тумане. Первое слово, которое стучит в моей голове, — «невозможно». Это кажется каким-то злым розыгрышем.

И снова эти кошмары из прошлого, что в миг мигрень разыгрывается… Она настолько похожа на Дарью. Моё сердце сжимается, а в горле встаёт ком.

— Мам, пап, вы чего такие тихие? — замечает Рома, явно ожидая бурной реакции.

Я стараюсь улыбнуться, но это выходит неловко.

— Это… большая новость, — произношу, и сама удивляюсь, как ровно звучит мой голос. — Поздравляю вас.

Рома улыбается шире, наклоняясь к Алисе и обнимая её. Она смотрит на него, а потом бросает короткий взгляд на меня, словно пытаясь понять, как я отнеслась к этой новости.

Максим по-прежнему молчит. Я ощущаю его напряжение, даже не глядя на него. Его рука остаётся неподвижной под моей…. Обычно он всегда отвечает на мои прикосновения — либо сжимает пальцы, либо просто перемещает руку, но сейчас — ничего.

— Пап? — Рома обращается к нему, пытаясь привлечь внимание.

Максим медленно поворачивает голову.

— Поздравляю, — произносит сухо, отрывисто, как будто это пустая формальность, с абсолютно непроницаемым лицом.

Я смотрю на мужа, чувствуя, как внутри всё сжимается. Его глаза избегают моего взгляда, он смотрит на Рому, а потом на Алису, а на лице смесь непонятных эмоций. Нет, не злость,

не грусть… Это что-то другое. Что-то, что я не могу объяснить, но что заставляет меня насторожиться.

— Это замечательно, — быстро добавляю, чувствуя, что тишина становится невыносимой. Мне хочется ее немного разбавить.

Максим отодвигает тарелку, которую едва тронул, и складывает руки на столе.

— Вы уверены, что готовы к такому серьёзному шагу? — спрашивает он со свойственной холодностью, я бы даже сказала хладнокровием.

Рома хмурится, но старается не терять бодрости.

— Пап, конечно! Мы уже это обсуждали с Алисой.

Максим кивает, но его лицо остаётся таким же пустым. Я смотрю на него и ничего не понимаю. или просто отказываюсь понимать и видеть то, что лежит на поверхности. Что-то в нём сломалось, застыло, и от этого у меня внутри всё переворачивается.

Алиса сидит напротив и я вижу как она опускает глаза, нервно перебирая край салфетки. Я замечаю, как её плечи чуть опускаются. Не такой реакции ожидала?

Я тоже таких новостей сегодня никак не ждала.

Я снова тянусь к руке мужа, ища поддержку, но он быстро поднимает ладонь, чтобы поправить манжет рубашки, избегая моего прикосновения. Это едва заметное движение, но оно ранит сильнее, чем резкие слова.

Внезапный звук разбившегося стекла словно оглушает меня. Время будто останавливается на секунду, и все взгляды устремляются к Максу. Его бокал, упавший со стола, теперь валяется на полу в окружении осколков, а на лице мужа — абсолютное безразличие. Я смотрю на него, не в силах понять, что происходит…

— Пап, ты в порядке? — первым нарушает тишину сын.

Максим поднимает взгляд, затем лениво достаёт из нагрудного кармана платок, чтобы промокнуть несколько капель вина, упавших на манжет его рубашки.

— Всё в порядке, — отвечает он спокойно, слишком ровно я бы сказала, — Извини.

Он смотрит на Рому, а затем на Алису. В этот момент в его взгляде мелькает что-то, что я не могу объяснить. Что-то, что заставляет холодеть изнутри.

— Задумался и смахнул нечаянно, — наконец произносит он, кивая в сторону осколков, — К счастью! — пытается сгладить произошедшее.

Но атмосфера уже испорчена. Я ощущаю напряжение в воздухе, как густой туман, от которого тяжело дышать. Алиса явно нервничает, её взгляд постоянно скользит от Ромы к Максиму, а пальцы то и дело поправляют салфетку.

— Мам, ты что-то совсем молчишь, — обращается ко мне сын, заметив мою растерянность. Его лицо светится радостью, и я заставляю себя улыбнуться.

— Всё хорошо, — отвечаю, хотя сама слышу, как неубедительно звучат мои слова. — Это просто неожиданно. Такие новости.

Рома, довольный этим ответом, снова переключается на Алису, а я пытаюсь справиться с нахлынувшей тревогой. Максим сидит рядом, но его напряжение кажется почти осязаемым. Я чувствую, как он словно отгородился от всех, даже от меня.

Я наклоняюсь чуть ближе к нему, шепчу так, чтобы слышал только он:

— Ты точно в порядке?

Его взгляд коротко встречается с моим, и я вижу в нём что-то, что заставляет меня замереть. Это не усталость и не раздражение. Это что-то гораздо сложнее.

— Да, — тихо отвечает. — Всё нормально.

Но это ложь. Я знаю, что это ложь.

Рома и Алиса продолжают разговаривать, смеяться, обсуждать детали своей свадьбы, но я слышу это как сквозь вату. Моё внимание полностью сосредоточено на Максе. Он ест механически, почти не поднимая глаз.

Когда Рома в очередной раз целует Алису, а она улыбается ему с таким обожанием, что это кажется сценой из фильма, я краем глаза замечаю, как Максим резко сжимает вилку в руке. Его пальцы белеют, а челюсть чуть напряжена.

— А когда свадьба? — неожиданно спрашиваю, пытаясь вернуть контроль над ситуацией.

— Мы хотели через пару месяцев, — отвечает “копия” мягко, — Роман считает, что затягивать не стоит.

— У нас всё уже обдумано, мам, — добавляет Рома, глядя на меня с улыбкой. — Алиса — это то, что я искал всю жизнь.

Я киваю, но слова сына звучат для меня как эхо, чужие и непривычные. А затем я снова смотрю на Максима. Его лицо всё ещё бесстрастное, но его взгляд… Он такой тяжёлый, будто он несёт в себе груз, который вот-вот станет невыносимым. Непомерным.

Я, словно каменная, прирастаю к полу и стою, не шелохнувшись. В голове проносятся сцены развития событий, одна абсурднее другой. Сердце будто ушло в пятки, а воздух в комнате стал тяжёлым.

— Ну вы что, родичи, давайте за стол, а мы вам все новости свои озвучим! — Ромка, заметив моё лицо, подходит ближе и, взяв меня за руку, мягко тянет к большому столу. — Алиска тут так переживала, что вам её готовка не понравится. Всё твердила, что вас ничем не удивить и не накормить…

— Рома… — слышу тихий, смущённый голос Алисы, но он лишь отмахивается.

— Ну что ты, Алис, — улыбается он, отодвигая мне стул. — Мои родители простые, обычные люди. Пап, не стой как изваяние!

Я наконец поворачиваюсь к Максиму. Он действительно стоит всё на том же месте, словно статуя. Его глаза смотрят на происходящее, но взгляд какой-то пустой, будто он не здесь. А потом, как по щелчку, он возвращается в реальность, подходит к столу и, молча, садится рядом со мной.

Протягиваю руку под столом, пытаясь найти его ладонь. Его пальцы холодные, неподвижные, и это заставляет меня напрячься ещё сильнее. Обычно он отвечает на мои прикосновения, но сейчас он будто не замечает меня.

Рома с энтузиазмом накладывает мне в тарелку салат, а я пытаюсь поймать взгляд Максима, который сидит рядом, но смотрит куда-то сквозь стол, словно его мысли сейчас далеко отсюда.

— Ну, Алиска, расскажи! — с энтузиазмом говорит Рома, оборачиваясь к своей девушке.

Она краснеет, сидя напротив нас, и сжимает край салфетки. Её глаза, большие и тревожные, на мгновение поднимаются на меня, а потом снова опускаются.

— Это ты должен рассказывать, — тихо шепчет она.

Но Рома уже встаёт, сияя, как новогодняя ёлка.

— Мы с Алисой решили пожениться!

Бам…

Воздух в комнате будто становится плотным и вязким, как сироп. Улыбка Ромы такая яркая, что, кажется, освещает всю кухню. Алиса сидит с опущенными глазами, но я вижу, как её губы дрожат от сдерживаемой радости.

А я… Я будто попала в липкий туман. Первое слово, которое бьётся в моей голове, — «невозможно». Отец, теперь сын…проделки судьбы не иначе.

Алиса… Она настолько похожа на Дарью во всем, что у меня начинает кружиться голова. Моё сердце сжимается, и в горле встаёт ком. В голове мелькают фрагменты прошлого — её лицо, взгляд, улыбка… и то, как Максим смотрел на неё.

Дарья была для него всем. Это я поняла сразу, как только увидела ее. Их связь была такой… что я еще долго боялась, что в нашей семье всегда будет её тень. И вот сейчас, глядя на Алису, я вижу эту тень снова.

— Мам, пап, вы чего такие тихие? — Рома замечает наше молчание, в его голосе звучит лёгкое недоумение.

Я заставляю себя улыбнуться, хотя чувствую, как эта улыбка выходит фальшивой.

— Это… неожиданная новость, мы немного в шоке, — произношу, удивляясь, как ровно звучит мой голос.

Рома, довольный, наклоняется к Алисе и обнимает её, целует в висок. Она смотрит на него, а потом бросает короткий взгляд на меня, словно пытается понять, как я отреагировала.

Максим по-прежнему молчит. Его напряжение настолько ощутимо, что кажется, оно заполняет весь дом. Я смотрю на его лицо, пытаясь понять, что происходит. Но его глаза… они пустые. Его взгляд, скользящий по Роме и Алисе…

— Пап? — Рома обращается к нему, с ноткой тревоги в голосе.

Максим медленно поворачивает голову, его лицо бесстрастное, словно он всё ещё обдумывает происходящее.

— Поздравляю, удивили, дети. — произносит он сухо, почти механически.

Эти слова звучат как пустая формальность.

Я вздрагиваю, глядя на него. Максим отодвигает свою тарелку, которую едва тронул, и складывает руки на столе.

— Вы уверены, что готовы к такому серьёзному шагу?

Рома хмурится, но старается сохранить бодрость.

— Пап, конечно. Мы с Алисой давно это обсуждали.

Максим кивает, но его лицо остаётся бесстрастным. Я смотрю на него и понимаю, что между нами в этот момент пропасть.

Алиса опускает взгляд, нервно поправляя край салфетки. Её плечи чуть опускаются. Возможно, она ожидала другой реакции.

— Ну что, за нас! — внезапно провозглашает Рома, поднимая бокал.

Я машинально поднимаю бокал, а внутри всё дрожит. Максим тоже поднимает свой бокал, мы чокаемся за счастье единственного сына.

Голова начинает кружиться от эмоционального накала последних дней для меня. Это все слишком.

Перебор.

Это прошлое, что так настойчиво стучится в настоящее. Призраки и “копии”...

А в следующий миг раздаётся звук разбивающегося стекла, который оглушает. Мой фужер разлетается на сотни осколков… Три пары глаз смотрят на меня, а я…

— Всё в порядке? — интересуется муж. А я не знаю, что сказать. Навалилось. Устала, устала…

— Извините. – выдавливаю из себя. и вновь тянусь рукой за поддержкой, но там пусто. непривычно пусто.

Я смотрю на мужа, пытаясь что-то найти. Ответы какие-то. Но там непробиваемый холод и пустота.

Глава 10

Виктория.

Сегодня день ещё тяжелее вчерашнего. Если бы мне кто-то сказал, что будет так, я бы никогда не поверила. В душе ощущение, будто моя семья застряла в трясине, и каждый наш шаг только углубляет эту бездну. Вот-вот трещины начнут расползаться по всему фундаменту.

Смотрю на своё отражение в запотевшем зеркале ванной. Ладонью стираю капли, но лицо всё равно расплывается.

Боже, как я выгляжу… Каждая складка на коже будто стала глубже, взгляд — потухшим, как свеча, забытая на ветру.

Дверь открывается, и в комнату заходит Максим. Молча. Он расстёгивает пуговицы, стягивает ремень, скидывает рубашку. Одежда падает на пол в небрежной куче, а он даже не замечает этого.

Его молчание — отдельный вид “кайфа” . Оно висит в воздухе, пронзительное, как стена, как пропасть растущая между нами.

— Ты не снял часы, — тихо замечаю, разрывая эту гнетущую паузу.

Он останавливается, смотрит на меня, будто прослушал то, что я сказала. Его глаза… я не могу назвать их пустыми, в них слишком много мыслей, слишком много чувств, которым он не позволяет прорваться наружу.

— А, — отвечает, будто откуда-то издалека. — Задумался. Забыл.

Снимает часы, подходит ближе, кладёт их за моей спиной. Его руки почти касаются меня, но этого «почти» достаточно, чтобы я почувствовала ледяное отдаление между нами.

— Максим, что с тобой происходит? — слова срываются сами собой.

Он вздыхает, медленно, будто это требует усилий.

— Я не знаю, — говорит муж, опираясь ладонью о край раковины. — Я просто в шоке.

«В шоке?» Эти слова кружатся в моей голове, как надоедливые птицы. Я хочу спросить: «От чего? Почему?», но сжимаю губы.

— Когда он успел? — Максим бросает взгляд на зеркало, но смотрит не на себя, а куда-то внутрь отражения, как будто пытается разглядеть то чего в нем нет.

— Что успел? — шепчу я, боясь разрушить эту зыбкую минуту, когда он сам начинает говорить.

— Вот только первый класс. Потом этот пубертат, вечный бардак в комнате, эти его бесконечные споры… А теперь он собрался жениться, — говорит он, резко взъерошив волосы. Пятерня задерживается на затылке, а потом скользит к шее, которую он начинает нервно растирать.

Я чувствую, как внутри всё переворачивается. Его слова должны звучать как обыденное родительское изумление, но я знаю, что за этим скрыто нечто большее.

— Максим, — я делаю шаг ближе, прислоняюсь к раковине рядом с ним, — ты о чём сейчас?

Он резко смотрит на меня взглядом глубоким, как колодец, но в нём нет дна, только чернота.

— Я просто… не могу это понять, — говорит он, с трудом подбирая слова. — Это так быстро. Как будто всё произошло мгновенно.

— Это не просто из-за его свадьбы, правда? — спрашиваю я, осознавая, что мой голос становится тише.

Он опускает взгляд. Его руки сжимаются в кулаки, а потом расслабляются.

— Я не знаю, что со мной, — признаётся Максим, отступая на шаг назад. — Всё это… я не готов к этому.

— К чему? — спрашиваю я, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— К тому, что всё снова возвращается, — говорит он, бросая на меня короткий, острый взгляд.

Эти слова пронзают меня, как нож. «Всё снова возвращается». О чём он? О прошлом? О ней?

Максим снова трёт шею, а потом выдыхает, как будто решил не говорить больше ни слова. Его пальцы задерживаются на часах, он проверяет время, не замечая моего пристального взгляда.

— Макс, ты уверен, что это всё из-за Ромы? — наконец произношу я.

Он кивает, но этот кивок неубедительный, как сдавленный ответ школьника, который не выучил урок.

— Да, конечно, — отвечает муж, но его голос звучит как эхо из другого мира.

Я молчу, хотя внутри всё кричит. Я хочу, чтобы он открылся, но чувствую, что каждый мой вопрос только толкает его дальше от меня.

Максим уходит в душ, оставляя за собой ощущение незаконченного разговора. А я остаюсь одна со своими страхами, с этой навязчивой схожестью Алисы и Дарьи, с его отдалением.

И впервые за долгие годы мне страшно. Не за сына, не за его выбор. А за нас. За нас всех. Что дальше будет? я не понимаю и не знаю.

Выхожу, тихо прикрывая за собой дверь. Ложусь на кровать, чувствуя, как мягкий матрас поддаётся под весом моего тела. С потолка на меня смотрит темнота.

Мои мысли — как спутанные нитки, которые невозможно распутать. Всё смешивается в голове: Алиса, её лицо, похожее на Дарью; слова Максима, которые звучат в моих ушах глухо, обрывисто; его холодное прикосновение, отсутствие тепла.

Страхи выползают из темноты, как тени на стенах. А если это не просто моя фантазия? А если она действительно не случайно здесь? Я пытаюсь убедить себя, что это невозможно, но чем больше думаю, тем отчётливее понимаю: нет ничего невозможного.

Максим выходит из ванной. Шум воды сменяется тихими шагами, едва различимыми в полумраке комнаты. Он молча подходит к своей стороне кровати. Он ложится, но не притягивает меня, как обычно. Даже не смотрит в мою сторону. Я чувствую.

Я закрываю глаза, пытаясь убедить себя, что это просто усталость. Но тишина между нами словно гудит, заполняя всё пространство. Я лежу на спине, буквально физически ощущаю, как тяжелеет грудь от груза этих мыслей, и не могу остановить себя.

Поворачиваюсь к нему.

— Максим… — мой голос едва слышен.

Но он не отвечает. Его дыхание ровное, глубокое. Он спит. Или делает вид.

Я смотрю на его профиль, едва различимый в свете луны, что пробивается сквозь шторы. Его черты спокойны, как будто всё это время, пока я задыхалась от тревоги, он был на другом берегу, где нет места страху.

«Может, я действительно накручиваю себя?» — думаю я, но этот вопрос не приносит облегчения.

Лежу так ещё не знаю сколько времени, пока не чувствую, как тело постепенно становится тяжёлым, а мысли ускользают, будто проваливаются в чёрное озеро сна. Но даже во сне мне мерещится её лицо. Лицо, которое я пыталась забыть. Лицо, которое теперь живёт под нашей крышей.

Глава 11

Виктория.

Сначала вокруг только тишина, но потом я слышу шёпот — далёкий, знакомый..

Передо мной появляется парк. Наш парк. Я узнаю его по старым, скрипучим качелям, которые всегда были покрыты облупившейся краской. Здесь мы с Максимом гуляли в молодости. Всё выглядит как тогда, но что-то не так. Воздух холодный, липкий, как будто осень решила замереть на мгновение.

Вижу троих — себя, Максима и… её. Молодую Дарью, с её густыми волосами и глазами, в которых всегда было слишком много… много всего: жизни, энергии, эмоций. Они стоят рядом, смеются. Максим что-то рассказывает, размахивая руками, а Дарья кладёт ему руку на плечо и смотрит на него так, как будто весь мир исчез.

Я пытаюсь подойти ближе, сказать хоть что-то, но ноги вязнут в земле, будто её хватка не хочет меня отпускать. Моё сердце сжимается. Это неправда. Этого не может быть!

— Макс! — зову я, но мой голос застревает где-то в горле. Спилю, как рыбка, шевеля сухими губами.

Он не слышит. Он даже не смотрит в мою сторону. Даша улыбается, её пальцы крепче сжимают его плечо.

Внезапно всё вокруг меняется. Парк исчезает, и я оказываюсь в незнакомом доме. Громадная гостиная с высоким потолком, стены, увешанные старыми картинами, и большой камин, в котором горит огонь. Свет от него странный, не согревающий, а какой-то угрожающе пылающий. Один “пых” и вокруг все воспламенится…

Максим стоит у окна. Его спина прямая, но я вижу, как его плечи будто подгибаются под тяжестью чего-то невидимого. Он смотрит в дождь, который стекает по стеклу, но его взгляд будто не здесь, уходит за пределы реальности.

— Ты знаешь, что я всегда любил только её.

Эти слова обрушиваются на меня, как удар. Каждое слово острое, будто скальпель, разрезающий мое тело на части.

Я открываю рот, чтобы сказать, что это ложь, что он выбрал меня, что все эти годы были реальными, но слова не выходят. В горле пусто.

Позади меня раздаётся шорох. Я оборачиваюсь и вижу Дарью. Она улыбается, но её улыбка и взгляд похожи на ледяной укол. Она делает шаг ко мне, потом ещё один.

— Ты никогда не сможешь заменить меня.

Её слова проникают в мою голову, словно ядовитый шёпот, который невозможно игнорировать.

Я пытаюсь отступить, но ноги будто приросли к полу. И вдруг рядом с Дарьей появляется Алиса. Она стоит так уверенно, глядя на меня с лёгким наклоном головы, словно изучает.

— А теперь я заменю тебя, — говорит Алиса. Её голос звучит так же, как у Дарьи. Их лица сливаются в одно, глаза смотрят на меня с упрёком, с вызовом, с насмешкой.

Я поворачиваюсь к Максиму. Его лицо в полутьме, но я вижу, как он медленно уходит в глубину комнаты, следуя за ними.

— Макс! Подожди! — кричу я, но это звучит глухо, как в подушку. Он не оборачивается.

Огонь в камине гаснет, и вокруг становится темно. Я остаюсь одна. Холод заполняет всё, проникает в грудь, а тишина становится почти осязаемой.

Просыпаюсь с рывком. Сердце колотится так, будто готово вырваться наружу. Тёмная спальня встречает меня тихо, беззвучно. Но этот сон не отпускает. Он остаётся, тянется за мной, словно липкий след того, что я не могу забыть, чего я больше всего боюсь.

Утро встречает меня едва уловимым светом за окнами и ощущением опустошённости. Кажется, я не спала вовсе. В голове всё ещё пульсируют отголоски сна: парк, Дарья, Алиса… и Максим, уходящий в темноту. Я пытаюсь убедить себя, что это всего лишь сон, но мысли не отпускают.

Протягиваю руку к пустой стороне кровати, Максима нет. Простыни холодные. Он ушёл рано. Второй раз.

Я одеваюсь на автомате, едва соображая, что происходит. Спускаюсь вниз, и запах кофе первый приветствует меня. Тихий стук ложки о чашку доносится из кухни.

На пороге я застываю. Алиса. Она стоит у кухонного острова в светлом халате, волосы собраны в небрежный пучок. С первого взгляда она кажется самой обычной девушкой, но мне не удаётся избавиться от ощущения, что за этой простотой что-то скрывается.

— Доброе утро, Виктория, — здоровается она, оборачиваясь, мягким, спокойным голосом..

Да, мы договорились чтобы Алиса обращалась к нам по именам. Так проще.

— Доброе, — отвечаю, стараясь казаться равнодушной.

Я прохожу к столу, замечаю, что на подносе стоят тарелки с тостами и свежими фруктами. Алиса ставит передо мной чашку кофе, а сама усаживается напротив.

— А где Рома? — спрашиваю, машинально проводя рукой по волосам, чтобы собрать их за ухо.

— С Максимом в спортзале, — отвечает она, слегка наклоняя голову. — Они ушли час назад..

Эти слова заставляют меня замереть. «В спортзале? Вместе?» Это так не похоже на Максима. Обычно утренние тренировки — его личный ритуал.

— Рома сказал, что хочет составить ему компанию, — добавляет Алиса, заметив моё удивление.

Я киваю, делая вид, что всё в порядке. Отхлебываю кофе, но он кажется горьким, даже несмотря на добавленный сахар.

— Ты не завтракаешь? — спрашиваю, пытаясь заполнить молчание.

— Уже, — улыбается она, легко, почти по-домашнему. — Я рано встала.

— У тебя сегодня планы? — продолжаю я, чувствуя, как от этого разговора мне становится ещё тяжелее.

— Собеседование, — отвечает она, опуская глаза к своей чашке. — В обед.

Я киваю. Её спокойствие выбивает меня из колеи. Сон, который так настойчиво стучит в мои мысли, делает всё происходящее ещё более нереальным.

Завтрак проходит молчаливо. Алиса иногда бросает на меня взгляд, но ничего не говорит. Я смотрю на неё и снова замечаю эти детали, что связывают её с Дарьей: линия подбородка, тёмные глаза, лёгкая улыбка, которая кажется одновременно дружелюбной и насмешливой.

Я хочу задать ещё вопросы, но чувствую, что не смогу выдержать её ответов.

Вскоре хлопает дверь. Рома и Максим возвращаются. Они оба улыбаются, раскрасневшиеся после тренировки. Максим кивает мне, проходя мимо, но в его движениях всё ещё есть эта отстранённость, которая терзает мою душу уже больше суток.

Вскоре хлопает входная дверь. Рома и Максим возвращаются. Они оба улыбаются, раскрасневшиеся после тренировки. Максим кивает мне, проходя мимо, а Рома, заметив Алису, сразу подходит к ней.

— Мы жутко голодные! — громко заявляет Рома, накладывая себе салат.

— Доброе утро, — говорит Максим, уже усаживаясь за стол. Его голос звучит ровно, но взгляд коротко встречается с моим. Я замечаю в нём что-то, чего не могу объяснить.

— Доброе, — отвечаю я, стараясь скрыть своё напряжение.

Завтрак наполняется звуками столовых приборов и их разговором. Рома что-то рассказывает Максиму о своём проекте, Алиса слушает его с улыбкой. Я чувствую себя лишней.

Максим, отложив вилку, протирает губы салфеткой и смотрит на Рому.

— Ты готов? Надо ехать в офис. У нас встреча через час.

— Да, конечно, — отвечает Рома, скидывая взгляд на Алису. — Ты справишься тут одна?

— Конечно, — спокойно говорит она, глядя на него с такой нежностью, что у меня внутри всё сжимается.

Рома целует Алису в щёку, а потом наклоняется ко мне:

— Мам, я вечером тебя наберу.

Максим, поднявшись из-за стола, направляется к двери.

— Вика, если что-то нужно, дай знать, — бросает он мне на ходу.

Я не отвечаю. Просто смотрю на их уходящие спины.

Когда дверь захлопывается, я оборачиваюсь к Алисе.

— Ты дома? — спрашиваю, чувствуя, как мой голос слегка дрожит.

— Да, — отвечает она, улыбаясь. — На собеседование я поеду только к обеду.

Я смотрю на неё. Её лицо такое спокойное, такое… правильное. И это спокойствие выводит меня из равновесия не меньше, чем все события за последние дни.

— Если что-то понадобится, Марьяна вам поможет, — произношу сухо и встаю из-за стола.

Алиса снова кивает, её взгляд слегка озадаченный, но она ничего не спрашивает. Я выхожу из кухни, чувствуя, как внутри всё дрожит.

Глава 12

Виктория.

Работа в ателье всегда была для меня отдушиной. Здесь я могу спрятаться от всего мира, от мыслей, которые не дают покоя. Но сегодня всё иначе. Даже просматривая эскизы для новой коллекции, я пытаюсь отвлечься, но ощущение тревоги не отпускает. Невидимые тени скользят где-то рядом, напоминая о проблемах дома и работе.

На рабочем столе лежат разложенные образцы тканей, карандаши, маркеры. Но вместо вдохновения я вижу лишь неразрешимые задачи. Телефон раздражающе вибрирует, показывая десятки непрочитанных сообщений. От швейных машин за стеной доносится приглушённый шум — там кипит работа, но мне трудно сосредоточиться.

— Виктория Алексеевна, доставка тканей снова задерживается, — голос Наташи, моей старшей помощницы, выводит меня из оцепенения. Она стоит на пороге моего кабинета, прижимая к груди планшет с расписанием заказов и поставок.

Наташа работает со мной уже больше десяти лет. Высокая, стройная, с лёгкой сединой в волосах, которая только добавляет ей элегантности. Её уверенность всегда меня успокаивала, но сегодня даже она выглядит напряжённой.

— Сколько времени у нас осталось? — спрашиваю, отрывая взгляд от компьютера. В голове каша, я едва могу сосредоточиться даже на таких простых вещах, как даты.

— Неделя, — отвечает она, и её голос звучит как приговор. — Но поставщик из Шэньчжэня сообщил, что доставка задерживается… как раз на неделю.

— Неделю?! — повторяю, чувствуя, как гнев и беспокойство накатывают волной. Мой голос звучит громче, чем я планировала. Наташа слегка вздрагивает, но быстро берёт себя в руки.

— Мы выясняем, есть ли способ ускорить доставку. Возможно, отправить её другой транспортной компанией, — добавляет она.

Я встаю и прохаживаюсь по кабинету. Кажется, стены сужаются вокруг меня, давят, не оставляя места для воздуха.

— Составьте список наших запасов. Всё, что можно использовать для текущих заказов, используйте. А пока ждём ткани, придётся переработать график. Свяжитесь с поставщиком ещё раз, пусть найдут решение. Мы не можем ждать неделю.

— Уже делаем, — кивает Наташа и выходит, оставляя меня наедине с мыслями.

Я закрываю глаза и провожу рукой по виску. Боль нарастает, как будто тиски сжимают голову.

Не проходит и пяти минут, как в дверь заглядывает Катя, наша молодая портниха. Ей всего двадцать три, но её талант уже не раз выручал наше ателье. Она яркая, энергичная, с короткой стрижкой и татуировками на руках, которые делают её внешность дерзкой, но не лишённой обаяния. Сегодня, однако, её лицо настороженное.

— Виктория Алексеевна, у нас проблемы с одним из платьев для показа. Зашивка вышла криво, и ткань начала тянуться, — говорит она, нервно поправляя бейдж на груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.